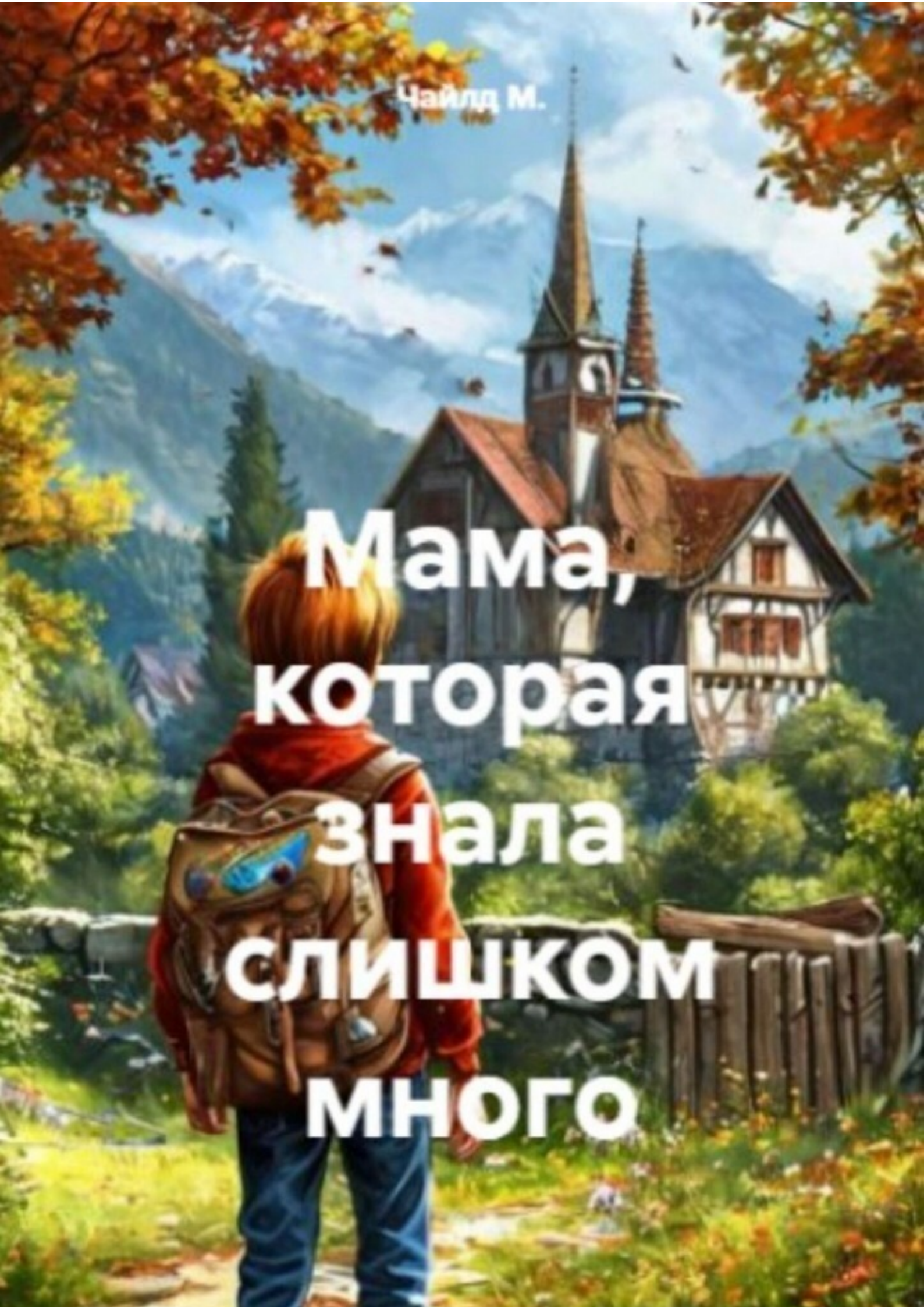

Чайлд М.

**Мама,
которая
знала
слишком
много**

Чайлд М.

**Мама, которая знала
слишком много**

«Издательские решения»

М. Ч.

Мама, которая знала слишком много / Ч. М. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699038-8

Тимофей — обычный мальчик, чья мама видит все варианты настоящего. Когда её похищают, он отправляется в опасное путешествие по скрытым слоям реальности, где встретит новых друзей, столкнётся с безликими стражами и древней тайной. Чтобы спасти маму, ему придётся научиться видеть мир не таким, какой он есть, а каким мог бы быть. Детская фэнтези-повесть о выборе, дружбе и силе любви.

ISBN 978-5-00-699038-8

© М. Ч.

© Издательские решения

Мама, которая знала слишком много

Чайлд М.

© Чайлд М., 2026

ISBN 978-5-0069-9038-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая, в которой обычный вторник перестаёт быть обычным, а мамины советы оказываются важнее жизни

Если бы вы спросили любого мальчишку или девчонку в нашем дворе, кто живёт в седьмой квартире на третьем этаже, вам бы ответили сразу и без запинки: «Там живёт Тимофей и его мама, тётя Вера». Потом ваш собеседник непременно оглянулся бы по сторонам, понизил голос и добавил, словно сообщая величайшую государственную тайну: «Только тётя Вера у него... странная».

И вот тут я, Тимофей Клюев, должен был бы обидеться. Любой нормальный двенадцатилетний человек на моём месте разозлился бы и полез в драку или, на худой конец, запустил бы в обидчика каштаном. Но я давно перестал это делать. Во-первых, потому что каштаны в нашем дворе перевелись ещё в прошлом году, когда дворник дядя Коля спилил старую ветку. А во-вторых, и это самое главное, моя мама действительно была странной. Но её странность была самой лучшей, самой удивительной и самой тёплой странностью на всём белом свете.

Мама никогда не говорила: «Надень шапку, на улице холодно». Она говорила иначе. Она смотрела куда-то сквозь оконное стекло, будто видела не просто серые облака и мокрых голубей на карнизе, а что-то совсем другое. Её глаза, серые, как осеннее небо, слегка расфокусировались, и она произносила задумчиво:

— Тимоша, если ты выйдешь сейчас в синей шапке с помпоном, ты, конечно, не замёрзнешь, но помпон оторвётся в лифте, когда ты будешь помогать поднимать коляску Марии Петровны с пятого этажа, и ты расстроишься, потому что я вязала его три вечера. Если выйдешь в зелёной, тебя облает собака у второго подъезда, ты испугаешься и уронишь телефон в лужу, а он дорогой. Но... есть третий путь. Возьми серую, ту, что с подкладкой из старого пледа, и иди не через двор, а вдоль забора стройки. Там ты найдёшь пять рублей, и в школе буфетчица даст тебе за них лишнюю булочку с корицей, хотя обычно их не хватает. Только смотри не споткнись о кабель возле синего щитка.

Вот так она разговаривала. Всегда. Не советы, а какой-то лабиринт из тысячи дверей, из которых она видела открытыми все сразу, а я, сколько ни шурился, видел только одну — ту, что прямо перед моим носом. Я иногда думал, каково это — жить в голове у моей мамы. Наверное, там постоянный шум, как на вокзале в час пик, только вместо поездов — вереницы событий, где каждое мое чихание ветвится на десятки последствий.

Утром того самого дня, когда обычный вторник закончился, едва успев начаться, мама готовила мне бутерброды с сыром. Я сидел на табуретке и сражался со шнурком на левом ботинке. Узел затянулся так туго, будто на нём тренировался морской волк.

— Не дёргай, — не оборачиваясь, сказала мама. — Если дёрнешь сейчас, шнурок порвётся, ты возьмёшь запасной из коробки в коридоре, но он окажется чёрным, а не белым, и Вадим Петрович из параллельного класса начнёт дразниться, что ты «разношнурный клоун». Ты смутишься, на физкультуре не поймаешь мяч и расстроишься на целый день. А если подцепишь его маникюрными ножничками с полки и аккуратно подденешь узелок иголкой, у тебя

уйдёт на минуту больше, но ты выйдешь из дома в хорошем настроении и напишешь контрольную по математике на четвёрку, хотя готовился на тройку. Выбирай.

Я вздохнул. Выбор для меня был очевиден, ведь мама уже проложила в моей голове единственно верную тропу. Я потянулся за ножничками. В этом был весь секрет нашей жизни. Мама не указывала, что делать. Она просто показывала последствия, а дорогу выбирал я сам. Чаще всего — ту, где шнурки были белыми, настроение хорошим, а булочки с корицей оказывались самыми вкусными.

Маму звали Вера. Вера Александровна Ключева. Соседи считали её кто — колдуньей, кто — святой, кто — просто безобидной чудачкой. Участковый врач дядя Миша говорил, что у неё «очень развитая интуиция на фоне переутомления». Но я-то знал правду. Это была не интуиция. Интуиция подсказывает: «Может, не стоит ходить этой тёмной подворотней». А мама видела, как именно мне дадут по голове ранцем, если я туда пойду, и как меня угостят ириской, если я выберу освещённую дорожку мимо аптеки. Она видела не будущее, а настоящее. Но не такое, каким его видим мы — плоским и единственным. Она видела его объёмным, шершавым, ветвящимся, как корни старого тополя, что рос под нашим окном.

Она могла смотреть на кипящий чайник и видеть тридцать три варианта: в одном чайник свистел громко и будил кота, в другом — крышка слетала от пара, в третьем — вода закипала бесшумно и остывала ровно за время, пока заваривался чай. И она всегда, повинувшись какому-то внутреннему чутью или мелкой моторике пальцев, чуть-чуть, на волосок, поворачивала ручку конфорки так, чтобы сбылся лучший вариант.

Иногда её советы звучали совсем уж дико. Помню, прошлой зимой, когда мы лепили снеговика во дворе, она вдруг замерла с ведром в руках, которое должно было стать шапкой, и сказала:

— Тимофей, отойди на три шага влево. Сейчас из окна второго подъезда вылетит подушка. Если ты останешься на месте, тебе на голову упадёт снег с козырька, ты промочишь варежки, а в доме как раз выключили отопление, и ты будешь ходить с ледяными руками до вечера, пока я не соображу греть их утюгом через полотенце. В варианте со смещением влево подушка пролетит мимо, зато ты увидишь, как смешно дядя Коля будет за ней бежать в тапках по снегу, и настроение у тебя поднимется на неделю вперёд.

Я отошёл. Через три секунды из форточки с шумом вывалилась большая клетчатая подушка. А следом за ней, запыхавшись, выбежал дворник дядя Коля в одних шерстяных носках и огромных галошах на босу ногу. Мы с мамой смеялись так, что у меня заболел живот. Соседка сверху, баба Нюра, которая сушила эту подушку на батарее, кричала на весь двор про какие-то сквозняки. А я смотрел на маму и думал: «Как это у неё получается? Почему я не умею видеть хотя бы на шаг дальше своего носа?».

Мама говорила, что это дар и наказание одновременно. Она уставала от этого шума в голове. Иногда по вечерам она сидела в кресле, закрыв глаза, и тихонько массировала виски. Я знал, что в такие моменты она пытается выбрать тишину, хотя бы на время отключиться от тысяч голосов возможностей. Я подходил, обнимал её, и она улыбалась, не открывая глаз, и гладила меня по голове.

— Сынок, — сказала она тем утром, когда я наконец справился со шнурком и потянулся за бутербродом. — Сегодня вторник. День, когда реальность любит устраивать черновики, а потом резко их переписывать. Будь внимателен. Я чувствую, что вариантов сегодня слишком много, как будто воздух наэлектризован.

— Как перед грозой? — спросил я, жуя хлеб с сыром.

— Как перед цунами, — серьёзно ответила мама. — Только не из воды, а из событий. Я видела сегодня утром, как ты возвращаешься домой. Тысячу раз. И только в трёхстах из них я тебя встречаю. В остальных семистах дверь открываешь ты сам. Один.

Она сказала это так спокойно, что я не придавал значения. Ну, подумаешь, открою дверь сам. Мало ли у мамы дел в магазине или у подруги. Я доел завтрак, чмокнул маму в щёку, пахнущую ванилью и почему-то немного — аптечными травами, и побежал в школу.

В тот день всё шло наперекосяк с самого начала, хотя мама и проложила для меня тропу к четвёрке по математике. Всё началось с того, что по дороге вдоль забора стройки я действительно нашёл пять рублей. Монета блестела в луче пробившегося сквозь облака солнца, словно маленькое золотое сердечко. Я обрадовался, сунул её в карман, но тут же вспомнил про мамино предупреждение о кабеле. Остановился, посмотрел под ноги. Кабеля не было. Я сделал ещё шаг. И в этот момент земля под ногой чуть просела. Я едва успел перепрыгнуть на сухой асфальт, как из-под земли выскользнул чёрный скользкий провод, который до этого прятался в грязи. Если бы я наступил, точно растянулся бы во весь рост.

«Спасибо, мам», — подумал я и побежал дальше.

В школе буфетчица тётя Люся, толстая, румяная женщина с золотыми зубами, и правда вдруг подмигнула мне и сунула в руку лишнюю булочку с корицей, забрав мою пятёрку.

— Последняя осталась, Клюев, — прошептала она. — Только никому. А то все захотят.

Я кивнул и отошёл, счастливый и набитый сладкой сдобой. Математику я написал на твёрдую четвёрку, и Вадим Петрович, главный задира класса, который обычно цеплялся ко мне из-за любой мелочи, сегодня был занят тем, что списывал у отличницы Сони и вообще на меня не смотрел. Казалось бы, день удался. Но внутри меня, где-то глубоко под рёбрами, с самого утра сидел холодный, липкий комочек тревоги. «В семистах вариантах я открою дверь сам».

После уроков я не пошёл гулять с ребятами. Меня словно магнитом тянуло домой. Я бежал быстрее обычного, перепрыгивая через лужи, отражающие хмурое небо. Солнце, которое светило утром, затянули низкие, будто набухшие чернилами, облака. Поднялся ветер. Он трепал мои волосы и кидал в лицо мелкие капли начинающегося дождя.

Возле нашего подъезда стояла странная машина. Большая, чёрная, с тонированными стёклами, за которыми ничего не было видно. Раньше я её здесь не замечал. Обычно у нас во дворе парковались старые «Жигули» дяди Коли да красный «Москвич» зубного врача с первого этажа. А эта машина выглядела чужеродно, как хищная акула, заплывшая в пруд с карасями.

Дверь подъезда хлопнула особенно гулко. Лифт, как назло, не работал. Пришлось идти пешком по лестнице. На третьем этаже, между вторым и третьим пролётом, я остановился. В нос ударил резкий, химический запах. Пахло не гарью и не краской, а чем-то сладковатым и тошнотворным, как микстура, которую мне давали в больнице, когда я болел бронхитом.

Я поднялся на нашу площадку.

Дверь в седьмую квартиру была приоткрыта.

Она была приоткрыта буквально на два пальца, но этого было достаточно, чтобы сердце моё ухнуло в пятки и забилось там, где, по идее, должны быть стельки от ботинок. Мама никогда, слышите, никогда не оставляла дверь открытой. Даже когда выносила мусор на минуту. Она говорила, что в том варианте, где дверь закрыта, всегда спокойнее, чем в том, где она открыта.

Я стоял на бетонной площадке, уставившись на эту щель. Дождь барабанил в подъездное окно. Из квартиры не доносилось ни звука. Тишина стояла такая плотная, что, казалось, её можно потрогать руками.

— Мам? — тихо позвал я. Голос прозвучал как-то жалобно, по-кроличьи. Я кашлянул, прочистил горло и сказал громче: — Мама, я пришёл!

Ответом мне было молчание. Только ветер на улице завыл сильнее, будто вторя моей тревоге.

Я протянул руку и толкнул дверь. Она медленно, со скрипом, отворилась внутрь, открывая взгляду тёмный коридор. Свет в прихожей не горел. Единственное, что я видел, — это смутные очертания вешалки и тусклый отблеск зеркала, висящего напротив входа.

В квартире был разгром.

Не такой разгром, как показывают в кино, где всё перевернуто вверх дном и на полу валяются осколки. Здесь всё было не так. Вещи лежали на своих местах, но как-то неправильно. Ваза с засохшими колосками, всегда стоявшая на тумбочке ровно по центру, была сдвинута к самому краю, словно кто-то спешил и задел её локтем. Тапочки мамы, аккуратно составленные у порога, были разбросаны в разные стороны — один у двери в кухню, другой в проходе в комнату. Пуфик в коридоре перевернут. А на полу, прямо посреди коридора, лежала кухонная прихватка в виде рыжего петуха. Самая обычная прихватка, которой мама пользовалась каждое утро, снимая с плиты кастрюлю с кашей.

Я поднял её. Ткань была влажной и пахла тем самым сладким химическим запахом. Только теперь он казался гуще и тяжелее. У меня закружилась голова. Я отбросил прихватку в сторону, словно она жглась, и шагнул в кухню.

На столе стояла кружка с недопитым чаем. Чай был холодный, я тронул кружку пальцем. Пакетик с ниткой свешивался через край, бумажка бирки намочила, и надпись на ней расплылась. Рядом с кружкой лежал открытый мамин блокнот. Тот самый, в который она никогда не разрешала мне заглядывать. Блокнот был старым, с обложкой из коричневой кожи, потёртой на сгибах. Она вела его, сколько я себя помнил, но никогда не показывала, что там пишет. Говорила, что это её «рабочие записи».

Я сел на табурет. Ноги не держали меня. Я не кричал, не плакал. Я просто сидел и смотрел на этот блокнот, чувствуя, как внутри растёт огромная, пустая и холодная пустота. Маму похитили. Это было ясно, как божий день. Те семьсот вариантов, о которых она говорила утром, где дверь открываю я один... сбылись. Я выбрал худшую из тысячи троп, сам того не зная.

Мне нужно было что-то делать. Звонить в полицию? Кричать на весь двор? Плакать? Но я вдруг понял одну вещь, от которой мурашки побежали по спине. Обычная полиция здесь не поможет. Они будут искать следы, отпечатки пальцев, свидетелей. Они будут искать маму в мире, где всё происходит лишь в одном, единственном направлении. А мама затерялась не просто в городе или стране. Она затерялась среди тысяч ветвящихся тропинок реальности. Где-то там, прямо сейчас, в другом варианте вторника, она, возможно, всё ещё наливает себе чай. Или смотрит в окно. Или... её уже везут в той самой чёрной машине мимо нашего двора. Как найти её след? Как отыскать её в этом бесконечном лабиринте, если я сам вижу только одну дорогу — ту, что под моими ногами, ту, что ведёт в пустую, холодную квартиру, пропахшую дурманом?

Я взял в руки мамин блокнот. Обложка была шершавой и чуть липкой от чая. Я открыл первую страницу. Почерк у мамы был красивый, округлый, с завитушками. Но записи в блокноте были сделаны не ручкой. Они были сделаны как будто выцветшими чернилами, серебристо-серыми, едва заметными. И их было много, очень много, строчки напозлали друг на друга, пересекались, сливались в сплошную рябь.

«Вариант один: Тимофей берёт зонт. Учительница хвалит. Дождь сильный. Вариант тридцать два: Тимофей забыл сменку. Стоит в коридоре. Физрук мимо прошёл, не заметил. Вариант сто семнадцать: Тимофей пошёл короткой дорогой. Котёнок на дереве. Снял. Порвал рукав. Я зашиваю вечером, пою песню про капитана. Тимофей смеётся...»

Я переворачивал страницу за страницей. Всё это были про меня. Сотни, тысячи маленьких событий моей жизни, разложенные по полочкам, записанные торопливой рукой, чтобы не забыть, чтобы выбрать лучший путь для меня. Мама не просто видела варианты — она их помнила. Она помнила, как я мог упасть, но не упал; как мог заболеть, но выздоровел; как мог поссориться с другом, но помирился. Она была штурманом в моём крошечном мире.

И вдруг, почти в самом конце блокнота, я наткнулся на запись, которая отличалась от всех остальных. Она была сделана не серебристыми, а чёрными, словно уголь, чернилами. Буквы были резкими, угловатыми, совсем не мамиными.

«Вариант НОЛЬ. Точка невозврата. Сегодня мальчик войдёт в пустой дом. Дальше пути нет. Только то, что он выберет сам. Впервые в жизни он не сможет спросить совета. И это единственный способ спасти её. Потому что во всех остальных вариантах она уже мертва».

Я читал эти строчки, и пальцы мои дрожали так, что страница ходила ходуном. Вариант НОЛЬ. Она знала. Она знала, что это случится. И она знала, что впервые в жизни я должен буду выбрать путь сам. Не по её подсказке, не по удобной тропинке, а прорубая свою собственную дорогу сквозь колючие кусты неизвестности.

Но как? Я обычный мальчик. Я не умею видеть варианты. Для меня кипящий чайник — это просто кипящий чайник. А дорога — это просто дорога. Я вижу мир плоским, как фотография.

Я захлопнул блокнот и посмотрел на кухонное окно. За мутным стеклом, по которому бежали струйки дождя, расплывались огни соседних домов. Я смотрел на них и вдруг... мне показалось, что я вижу что-то ещё. Какое-то движение сбоку, ускользающее, как тень от крыла пролетевшей птицы. Я резко повернул голову, но в кухне никого не было. Только эхо тишины.

Я понял, что мне нужно сделать. Я не мог видеть настоящее в объёме, как мама. Но я мог попробовать увидеть следы того, что не случилось, но могло случиться. Нужно было не смотреть на вещи, а смотреть сквозь них. Думать не о том, что я вижу, а о том, чего я не вижу, но что могло бы здесь быть.

Мама говорила: «Каждое событие оставляет эхо во всех слоях реальности. Если что-то не случилось, это не значит, что этого не было. Просто оно случилось где-то рядом».

Я медленно встал из-за стола. Взял с полки мамину любимую чашку — ту, что с голубыми незабудками. Закрыв глаза. Я представил себе не то, как я нашёл квартиру пустой, а то, как я открываю дверь, а мама стоит у плиты и говорит: «Тимоша, а я блинчики пеку. Выбирай: с вареньем или со сметаной?».

И в этот момент у меня в голове что-то щёлкнуло. Нет, я не увидел маму у плиты. Но я вдруг остро почувствовал запах блинного теста. Он был слабым, почти неуловимым, перебиваемый химической вонью, но он БЫЛ. В моей пустой кухне пахло блинами, которых никто сегодня не пёк.

Это был след. Тонкая ниточка, ведущая из моего пустого, серого «варианта ноль» в другой мир. В тот мир, где мама жива, стоит у плиты и ждёт меня.

Я открыл глаза. Запах исчез. Но я знал, что теперь я его не забуду. И я понял, с чего начнутся мои поиски. Нужно идти туда, где эхо реальности звучит громче всего. Туда, где каждый день пересекаются тысячи путей сотен людей.

На вокзал.

Глава вторая, в которой Тимофей узнаёт, что вокзал — это не просто здание с поездами, а живой перекрёсток судеб, и встречает того, кого совсем не ожидал увидеть

Честно говоря, вокзал я никогда не любил. Нет, я не боялся поездов и не пугался толпы. Мне просто всегда казалось, что на вокзале слишком много всего происходит одновременно. Кто-то плачет, кто-то смеётся, кто-то ест пирожки с капустой, роняя крошки на чемодан, кто-то бежит, расталкивая людей локтями, а кто-то сидит на рюкзаке и тупо смотрит в одну точку уже третий час. И всё это сливается в один сплошной гул, от которого у меня начинала болеть голова. Мама говорила, что это потому, что я «чувствительный к эху событий», хотя сам этого не понимаю.

Но сейчас, стоя на пороге нашей квартиры с её блокнотом в руках, я вдруг подумал: а что, если эта моя «чувствительность» — вовсе не слабость? Что, если вокзал — это именно то место, где я смогу расслышать мамин след среди тысяч чужих голосов?

Нужно было действовать быстро. Неизвестно, сколько времени прошло с тех пор, как маму увезли. Химический запах в коридоре почти выветрился, растворился в сквозняке из приоткрытой форточки. Я заставил себя подойти к вешалке, снять куртку и надеть её. Движения были механическими, словно не моими. Внутри всё дрожало, но руки почему-то слушались. Я проверил карманы. Ключи от квартиры, немного мелочи, та самая монета в пять рублей, которую я нашёл утром, и мобильный телефон. Телефон! Я же совсем забыл про него. Я схватил трубку и набрал мамин номер. Гудки. Длинные, тоскливые, уходящие в пустоту. Никто не ответил. Я попробовал ещё раз, и ещё. Бесполезно. Экран телефона мигнул и показал низкий заряд батареи. Отлично. Просто замечательно. Ещё и зарядка осталась дома, в розетке у моей кровати. Возвращаться за ней я не стал. Время утекало, как вода сквозь пальцы.

Уже взявшись за ручку входной двери, я бросил последний взгляд на прихожую. Луч фонаря с улицы пробивался сквозь мутное стекло и падал на разбросанные мамины тапочки. Один лежал подошвой вверх. Мама всегда говорила: «Если тапок перевернулся — жди гостя». Интересно, а если оба тапка разбросаны в разные стороны, как перепуганные тараканы, — ждать беды? Похоже, беда уже пришла.

Я вышел на лестничную клетку и аккуратно, стараясь не шуметь, закрыл дверь. Щелчок замка прозвучал как-то слишком громко, будто кто-то выстрелил из игрушечного пистолета. На площадке было тихо. Соседи за своими железными дверями жили своей, обычной жизнью. Сверху доносились звуки телевизора — шла какая-то передача про кулинарию. Я слышал, как ведущий бодрым голосом советовал добавить в салат щепотку орехов. Всё это казалось сейчас ненастоящим, декорацией. Как будто я попал в перевернутый мир, где все ходят по потолку, а я один пытаюсь удержаться на полу.

Лифт всё ещё не работал. На табло горела зловещая красная лампочка «Вызов». Я пошёл пешком, перепрыгивая через две ступеньки. Во дворе было пусто и сыро. Дождь перестал, но воздух оставался влажным и тяжёлым. Чёрной машины возле подъезда уже не было. Исчезла, словно её и не существовало. Только мокрый асфальт блестел в свете тусклых фонарей, да дворник дядя Коля ковырялся в своей подсобке, гремя ведрами. Я хотел подойти к нему, спросить, не видел ли он чего. Но что я скажу? «Здравствуйте, дядь Коль, тут мою маму похитили неизвестные люди на странной машине. Вы случайно не заметили, в какую сторону они поехали в той реальности, где вы вчера не пили свой успокоительный чай?» Нет, он покрутит пальцем у виска и отправит меня домой делать уроки. А дома делать уроки некому.

Я натянул капюшон поглубже и быстрым шагом направился к автобусной остановке. До вокзала было пять остановок на сорок седьмом автобусе. Или тридцать минут пешком, если срезать через старый парк. Я выбрал автобус. Мне хотелось быть среди людей, пусть даже чужих и незнакомых. В одиночестве пустой квартиры было слишком страшно.

На остановке стояла только одна женщина с большой клетчатой сумкой на колёсиках. Она нервно поглядывала на часы и вздыхала. Когда подъехал автобус, я пропустил её вперёд и зашёл следом. В салоне было полупусто. Пахло сыростью и немного бензином. Я сел у окна, прижался лбом к холодному стеклу и стал смотреть на проплывающие мимо дома, витрины магазинов, мокрые деревья. Город жил своей вечерней жизнью. Зажигались окна, в них двигались силуэты людей. Кто-то мыл посуду, кто-то садился ужинать перед телевизором. И никто из них не знал, что прямо сейчас по улице едет мальчик, у которого украли единственного родного человека. И что мир, оказывается, состоит не только из видимых вещей, но ещё и из тысяч невидимых слоёв, похожих на старый слоёный пирог.

Я снова достал мамин блокнот. Открыл его на той самой странице, где чёрными угловатыми буквами было написано про «Вариант НОЛЬ». Я перечитал эти слова раз десять, надеясь

найти в них какой-то скрытый смысл, шифр, подсказку. Но нет. Буквы оставались буквами. Единственное, что я понял: мама знала. Она знала, что её похитят, и она знала, что я не должен пытаться найти её обычным способом. Но что значит «выбрать самому»? Как можно выбрать дорогу, если ты даже не видишь, куда она ведёт?

Я пролистал блокнот дальше, за страницу с «Нулём». Дальше шли пустые, нетронутые листы. Чистые, кремовые, чуть шершавые. И только на самом последнем развороте, в уголке, я заметил едва различимый карандашный рисунок. Это был не текст, а схема. Кружок, от которого отходили три линии. Одна линия была перечёркнута жирным крестом. Вторая уходила вверх и обрывалась. Третья вела вниз и заканчивалась маленьким квадратиком, внутри которого было нацарапано слово: «ШУМ».

Шум. Что бы это значило? Вокзал — это шумное место. Может, мама хотела сказать, что мне нужно искать её именно там? Или это указание на что-то другое? Я спрятал блокнот обратно во внутренний карман куртки, поближе к сердцу.

Автобус тряхнуло на повороте. За окном показалось длинное серое здание вокзала с высокой башней и часами. Стрелки показывали без четверти семь. Зимой в это время уже темно, а сейчас, в начале осени, сумерки только начинали сгущаться, окрашивая небо в тревожный фиолетовый цвет.

— Конечная. Приехали, — громко объявил водитель.

Я вышел из автобуса и сразу попал в водоворот людей. Вот оно, то самое, чего я всегда не любил. Вокзальная площадь гудела, как растревоженный улей. Люди с чемоданами, сумками, баулами спешили кто куда. Кто-то бежал к электричкам, кто-то выходил из стеклянных дверей центрального входа, кто-то стоял кучками и курил, нервно поглядывая на табло с расписанием. Таксисты наперебой предлагали свои услуги:

— Молодой человек, до Сосновки недорого!

— Парень, в аэропорт надо?

Я мотал головой и упрямо шёл вперёд, к высоким арочным дверям вокзала. Внутри шум стал ещё плотнее. К звукам шагов и голосов добавилось эхо, гуляющее под высокими сводами, и металлический голос диктора, объявляющего прибытие и отправление поездов:

«Внимание! Поезд номер триста сорок два Москва — Североград прибывает на третий путь к четвёртой платформе. Стоянка десять минут. Просьба пассажиров быть внимательными».

Я остановился в центре огромного зала ожидания. Люди сидели на железных креслах, ели, спали, читали газеты, прижимали к себе плачущих детей. И у каждого из них была своя дорога. Тысяча дорог. Десятки тысяч дорог. Они сплетались здесь в один тугой узел, чтобы через минуту или час развязаться и разбежаться в разные концы страны.

Как же мне найти среди всего этого мамин след? Я закрыл глаза. По совету, который родился у меня в голове ещё дома, я попытался представить не то, что есть, а то, что могло бы быть. Я представил маму. Она стоит у окошка билетной кассы и покупает билет. Нет, не так. Она стоит у газетного киоска и выбирает журнал с кроссвордами. Или сидит вон в том углу на скамейке и пьёт чай из картонного стаканчика.

В голове снова что-то щёлкнуло, но теперь громче, ошутимее. Как будто кто-то переключил невидимый тумблер. Гул вокзала вдруг расслоился. Я перестал слышать его как единый шум и начал различать отдельные звуки. Обрывок фразы: «...передай тёте Вале, что я...». Детский плач: «Хочу пить!». Стук колёс: тудух-тудух, тудух-тудух. Скрип тележки с багажом. Шорох газеты. И вдруг — запах.

Резкий, ни с чем не сравнимый запах. Запах тех самых маминых духов, которые она называла «Ландыш серебристый». Она душилась ими только по большим праздникам или когда была в особенно хорошем настроении. Говорила, что в вариантах, где она пахнет ландышами, вероятность хорошего дня возрастает на сорок семь процентов. Я открыл глаза. Вокруг были

всё те же незнакомые, усталые лица. Никакой мамы. Но запах не исчезал. Он был слабым, едва уловимым, но он пробивался сквозь вокзальную вонь — запах машинного масла, пирожков и дешёвого табака.

Я пошёл на этот запах, как ищейка. Это было странное чувство. Я двигался не глядя по сторонам, повинуюсь только своему носу. Запах привёл меня к лестнице, ведущей вниз, в подземный переход. На указателе было написано: «К платформам №2, 3, 4. Выход в город». Я начал спускаться. В переходе запах стал ярче, но к нему примешалось что-то ещё. Что-то холодное, металлическое. Тревога.

В переходе было малолюдно. Пара человек спешили с чемоданами, молодая мама катила коляску с младенцем. В углу, прямо под лестницей, притулился нищий старик в старом драповом пальто и шапке-ушанке, надвинутой на самые глаза. Он сидел на картонке, вытянув перед собой ногу в стоптанном ботинке. В руках он держал картонный стаканчик для мелочи. Я хотел пройти мимо, но запах ландыша вдруг стал просто невыносимо сильным, а потом резко оборвался, будто кто-то захлопнул флакон духов прямо у меня под носом.

Я замер. Посмотрел на старика. Нищий сидел неподвижно, опустив голову. Вокруг него витал тот самый металлический холод, который я почувствовал на лестнице. Я сделал шаг к нему. Мне вдруг показалось, что я знаю этого человека. Но откуда?

— Дядя?.. — прошептал я, но тут же осёкся.

Старик поднял голову. Из-под шапки на меня глянули глаза. Это были не мутные глаза пьяницы или больного старика. Они были острыми, цепкими, цвета тёмного янтаря. И в них не было ни капли жалости к себе. Только холод и расчёт.

— Поддай, мальчик, на пропитание, — проскрипел он, но голос его прозвучал как-то фальшиво. Слишком чётко для нищего, сидящего на холодном бетоне.

Я полез в карман, достал ту самую пятирублёвую монету, которую нашёл утром. Протянул ему. Он не взял. Вместо этого он быстрым, неуловимым движением схватил меня за запястье. Рука у него была ледяная и неожиданно сильная.

— Не ту монету суешь, Клюев-младший, — сказал он тихо, но отчётливо. — Мне твои гроши ни к чему. Мне нужно, чтобы ты отсюда ушёл. Прямо сейчас. Понял? Вали домой. И забудь, что приходил.

Меня словно ледяной водой окатили. Он знал мою фамилию. Он знал, кто я.

— Пустите! — я попытался вырвать руку.

— Тише, не кричи. Люди смотрят, — прошипел старик, не ослабляя хватки. — Твоя мать влезла, куда не следовало. Обычный её грех — везде свой нос совать, все варианты перебрать. Но на этот раз она выбрала не ту дверь. И тебе там не место. Я тебя по-хорошему предупреждаю.

— Кто вы? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Вы знаете, где она?

— Я знаю, где её нет, — ответил старик. — И я знаю, что если ты будешь продолжать рыскать, её не станет и там, где она ещё теплится. Есть вещи, мальчик, которые лучше не трогать. Твоя мать их потрогала, и её за это... убрали с доски. А теперь уходи.

Он разжал пальцы. Я отшатнулся, потирая запястье. Сердце колотилось как бешеное. Я смотрел на этого странного нищего и не понимал, кто он — враг или... или тот, кто просто хочет меня запугать и убрать с дороги?

— Я не уйду, — сказал я, сам удивляясь своей смелости. — Вы не можете меня заставить.

— Могу, — спокойно ответил старик. — Могу сделать так, что ты забудешь и этот разговор, и этот день. Сотру тебе память, как мел с доски. И будешь ты жить дальше, сирота при живой матери, и даже не вспомнишь, зачем ходил на вокзал.

По спине пробежал холодок. Я вспомнил слова мамы: «В семистах вариантах дверь открываешь ты сам. Один». Неужели в тех вариантах меня просто заставили забыть? Нет. Нет, я не позволю.

— Не получится, — сказал я. — Моя мама видела тысячу вариантов, и она выбрала тот, где я пришёл на вокзал и встретил вас. Она оставила мне подсказки. И вы не посмеете ничего сделать, потому что в том варианте, где вы стираете мне память, вы потом спотыкаетесь, падаете и расшибаете себе лоб о ступеньку. Она мне так и сказала.

Я врал. Нагло, бессовестно врал, глядя прямо в эти янтарные глаза. Но я уже понял главное правило этого странного мира, в который я провалился. Здесь вера в вариант делает его возможным. Если я скажу это уверенно, если я ПРЕДСТАВЛЮ, как этот противный старик спотыкается, то, возможно, он тоже это увидит.

И он, кажется, увидел. Потому что лицо его на мгновение дрогнуло. Он бросил быстрый взгляд себе под ноги, на ступеньки, ведущие вверх. Всего на секунду. Но мне хватило. Я рванул с места и побежал вглубь перехода, туда, где был выход к платформам. За спиной послышалось шипение, похожее на змеиное, и неразборчивое ругательство. Я бежал, петляя между прохожими, не оглядываясь.

Выскочив на перрон, я остановился перевести дух. Мимо с грохотом пронёсся скорый поезд, обдав меня ветром и запахом железной дороги. Я спрятался за колонной и выглянул. Старика нигде не было видно. То ли он не стал меня преследовать, то ли не смог. Сердце постепенно успокаивалось.

Итак, что я узнал? Во-первых, маму похитили не просто бандиты. Это связано с её даром. Она «влезла, куда не следовало», «выбрала не ту дверь». Во-вторых, есть люди, которые за мной следят и хотят, чтобы я прекратил поиски. И в-третьих, и это самое важное — мама жива. Старик сказал: «теплятся». Значит, она где-то есть. Она существует. И она ждёт.

Я достал блокнот. Страница со схемой. Кружок и три линии. Одна перечёркнута — это, возможно, путь домой, путь назад. Вторая ведёт вверх и обрывается — может, это попытка обратиться в полицию или к другим людям? И третья — вниз, к квадратику со словом «ШУМ».

Вокзал — это шум. Я уже здесь. Значит, следующий шаг где-то рядом. Я огляделся. Третий путь. Четвёртая платформа. Именно это объявлял диктор, когда я вошёл. Что, если мама, выбирая вариант, видела этот поезд? «Поезд номер триста сорок два Москва — Североград». Я посмотрел на часы. До отправления оставалось семь минут. Пассажиры уже заходили в вагоны, проводники стояли у дверей, проверяя билеты.

У меня не было билета. У меня не было денег на билет до Северограда. Но у меня было чувство, что я должен попасть именно в этот поезд. Это чувство было сродни тому, когда мама говорила: «Возьми серую шапку». Это не знание, а какая-то внутренняя уверенность, тихая подсказка, идущая не из головы, а откуда-то из живота.

Я подошёл к краю платформы. Поезд стоял, пыхтя и отдуваясь, как уставший железный дракон. Зелёные вагоны с жёлтой полосой. Я прошёл вдоль состава, высматривая что-то. Что? Сам не знаю. Может, открытую дверь без проводника? Может, знакомое лицо в окне?

И вдруг я её увидел. Нет, не маму. Девочку. Она стояла в тамбуре третьего вагона с конца и смотрела прямо на меня. Девочка была примерно моего возраста, может, чуть старше. На ней была смешная вязаная шапка с большим помпоном, похожим на одуванчик, и старомодное пальто с бархатным воротником. В руках она держала клетку с какой-то птицей. Птица была ярко-жёлтой, как канарейка, но размером с голубя.

И самое главное — девочка не была обычным пассажиром. Я понял это по тому, как она смотрела. Она смотрела не на меня, а сквозь меня, или даже не сквозь, а как-то... сбоку. Как будто видела не только меня, стоящего на платформе, но и моё отражение в луже, и мою тень, и того меня, который остался стоять у колонны.

Она подняла руку и поманила меня пальцем. Жест был чётким, приказным. Я, не раздумывая, шагнул к вагону. Проводница в это время отвернулась, помогая какой-то бабушке затащить в тамбур огромный баул. Я скользнул мимо неё, вжавшись в стену, и оказался в тамбуре рядом с девочкой.

— Ты опоздал на четыре минуты, — сказала она вместо приветствия. Голос у неё был звонкий, но какой-то надтреснутый, как колокольчик с трещинкой. — В моём расчёте ты должен был появиться раньше. Пришлось корректировать.

— Ты кто? — спросил я, всё ещё тяжело дыша после бега и волнения.

— Зови меня Ася, — ответила девочка. — И закрой дверь, а то сквозит. У меня птица чувствительная к сквознякам.

Я машинально прикрыл за собой тяжёлую дверь тамбура. Грохот вокзала стих, сменившись ровным гулом вагонных колёс. Поезд дёрнулся и медленно поплыл вдоль перрона.

— Ты зачем меня позвала? — спросил я, прижимаясь спиной к вибрирующей стене. — И откуда ты меня знаешь?

— Я тебя не знаю, — пожала плечами Ася. — Я знаю твою маму. Веру Александровну. И я знаю, что ты ищешь её. Я тоже её ищу. Вернее, ищу то, что она видела последним. Поэтому мы временные попутчики.

Поезд набирал ход. За окном тамбура замелькали городские окраины — серые панельные дома, гаражи, склады, потом пошли дачные участки с покосившимися заборами и, наконец, тёмный лес. В вагоне стало совсем темно, тусклая лампочка под потолком едва освещала наши лица.

— Что значит «временные»? — насторожился я.

— Это значит, что как только я получу то, что мне нужно, наши пути разойдутся. А пока... — она поставила клетку с птицей на пол. Птица в клетке встрепенулась, нахохлилась и затихла. — Пока я помогу тебе не попасть в лапы к Чистильщикам.

— К кому?

— К таким, как тот старик в переходе. Ты его видел. Они называют себя Санитарами. Следят за тем, чтобы никто не совал нос в чужие варианты. Твоя мама сунула нос в Очень Важный Вариант, и они её убрали.

— Убили? — мой голос дрогнул.

— Нет. Убрали с доски, — Ася повторила выражение старика. — Переместили в такое место, где нет вариантов. Где есть только одна, бесконечная и серая реальность. Тюрьма для тех, кто видит слишком много. Называется Тупик.

Я почувствовал, как земля уходит из-под ног. Не в переносном, а в самом прямом смысле. Вагон качнуло на стыке, и я схватился за поручень.

— Но я должен её спасти! — воскликнул я. — Я пойду в этот Тупик и вытащу её!

— Не смей меня, — Ася усмехнулась, но в её глазах не было веселья. — Ты даже не видишь вариантов. Ты слепой котёнок в мире зрячих. Ты даже меня с трудом нашёл, хотя я стояла и махала тебе рукой из всех возможных слоёв реальности. Чтобы попасть в Тупик, нужно видеть не один слой, а хотя бы семь. Иначе ты просто провалишься в пустоту и будешь вечно падать между «было» и «не было».

— Тогда зачем я тебе? — спросил я, чувствуя, как внутри закипает обида и злость.

— Ты — ключ, — спокойно ответила Ася. Она присела на корточки перед клеткой и просунула палец между прутьями. Жёлтая птица тут же ткнулась клювом в её палец. — Твоя мать оставила якорь. Что-то, что связывает её с этим миром, с этой реальностью. Обычно Санитары обрубают все концы, но Вера Александровна — очень сильный экстрасенс. Она успела оставить след. И этот след — ты. Она отдала тебе часть своего дара, сама того не зная. Или зная. В любом случае, только ты можешь почувствовать, куда именно её утащили. Я умею видеть варианты, но я не чувствую ЕЁ. А ты чувствуешь. Как ты нашёл вокзал?

— Я... я представил запах. Духи «Ландыш серебристый».

— Вот видишь, — кивнула Ася. — Это и есть твой якорь. Ты не видишь картинку, ты ловишь эхо. Это примитивно, но для начала сойдёт. Я буду твоими глазами, а ты — моим носом. Ищейкой.

Это было обидно. «Примитивно», «ищейка». Но я понимал, что она права. Сам я, скорее всего, уже сидел бы на скамейке с пустой головой, если бы не моя дурацкая храбрость и не её появление.

— А что ты ищешь? — спросил я. — Ты сказала, тебе нужно то, что видела мама.

— Это уже моё дело, — отрезала Ася. — Твоё дело — найти мать. Моё дело — забрать у неё информацию. Как только мы её найдём, мы в расчёте.

— А ты не боишься Санитаров? — я вспомнил холодную хватку старика.

— Боюсь, — просто ответила Ася. — Очень боюсь. Поэтому и взяла с собой птицу. Она предупреждает, если кто-то из них рядом. И ещё поэтому я выбрала поезд. В поезде реальность постоянно движется, варианты смешиваются, следить за нами сложнее. Мы для них — как рябь на воде.

Поезд мчался сквозь ночь. В тамбуре было холодно, от двери тянуло сквозняком. Я посмотрел на Асю. Она стояла, прислонившись спиной к стене, и смотрела в тёмное окно. Лицо у неё было бледное, сосредоточенное. Мне вдруг стало её жалко. Она казалась такой же одинокой, как и я. Только она была вооружена знаниями о странном мире вариантов, а я — нет.

— Расскажи мне, — попросил я. — Расскажи, как это работает. Как видеть варианты? Мама никогда толком не объясняла. Говорила: «Придёт время — поймёшь». Но время пришло, а я всё ещё не понимаю.

Ася оторвала взгляд от окна и посмотрела на меня оценивающе.

— Хорошо, — сказала она. — Слушай и запоминай. Объясняю один раз. Представь себе дерево. Огромный старый дуб. Ты стоишь у подножия и смотришь вверх. Ты видишь один ствол. Но от этого ствола отходят сотни веток. Толстых, тонких, кривых, прямых. Каждая ветка — это вариант того, что происходит с тобой прямо сейчас. На одной ветке ты сидишь и слушаешь меня внимательно. На соседней — ты зеваешь и думаешь о бутербродах. На третьей — ты вообще не сел в этот поезд и сейчас дрожишь от холода на платформе, раздумывая, не вернуться ли домой. Все эти варианты существуют **ОДНОВРЕМЕННО**. Твоя мама видела всё дерево целиком. Она могла перебираться с ветки на ветку взглядом. Она могла даже аккуратно, чтобы не сломать сук, подтолкнуть событие на нужной ветке, чтобы лист упал именно туда, куда надо.

Ася говорила горячо, глаза её блестели.

— Большинство людей видят только одну ветку. Ту, на которой сидят. Они даже не догадываются, что рядом есть другие. Санитары видят две-три ветки. Достаточно, чтобы заметить того, кто раскачивает всё дерево. А я... я вижу пять. Иногда шесть, если очень постараюсь. Это как смотреть в калейдоскоп, который постоянно крутится.

— А я? — спросил я тихо.

— Ты? — Ася задумалась. — Ты пока что видишь только тень от листьев на земле. Но это уже кое-что. Садись.

Она опустила на корточки и жестом велела мне сделать то же самое. Мы сели друг напротив друга на грязный, замусоренный пол тамбура. Жёлтая птица в клетке недовольно пискнула.

— Закрой глаза, — скомандовала Ася. — Вспомни запах маминых духов.

Я закрыл глаза. Сначала я не чувствовал ничего, кроме запаха мазута и старого железа, которым пропитался весь вагон. Но я заставил себя думать о маме. О том, как она наклоняется надо мной, чтобы поцеловать перед сном. О том, как её волосы щекочут мне щёку.

Запах появился. Робкий, далёкий, словно кто-то открыл флакончик в другом конце состава.

— Есть, — прошептал я.

— Теперь, не открывая глаз, попробуй понять, откуда он идёт, — голос Аси звучал глухо, будто она тоже закрыла глаза. — Не носом. Головой. Представь, что запах — это ниточка. Она тянется от флакона к твоему носу. Иди по этой ниточке в обратную сторону.

Я представил. Тонкая серебристая нить. Она действительно тянулась откуда-то из глубины вагона. Я попытался пойти по ней в своём воображении. Тамбур. Проход. Купе. Тёмное купе с зашторенными окнами. Там кто-то сидит. Кто-то знакомый.

Вдруг в моей голове что-то взорвалось яркой вспышкой. Я увидел мамино лицо. Бледное, уставшее, но живое! Она сидела в кресле и смотрела прямо на меня. Губы её шевелились. Она что-то говорила. Я напряг слух изо всех сил.

«... Не верь девочке с птицей. Она ищет...»

Видение оборвалось. Вспышка погасла, оставив после себя только звенящую тишину и боль в висках. Я распахнул глаза. Ася сидела напротив и пристально смотрела на меня.

— Ну что? — спросила она. — Получилось? Увидел что-нибудь?

Сердце бешено колотилось. В горле пересохло. Мама предупредила меня. «Не верь девочке с птицей». Но что она искала? Что именно она не договорила? Может быть, Ася опасна? Может быть, она заодно с Санитарами? Или ещё хуже — она сама по себе и преследует какую-то свою, тёмную цель, связанную с маминым даром?

Я посмотрел на Асю. На её смешную шапку с помпоном, на бледное лицо, на клетку с нахохлившейся жёлтой птицей. Врать я не умел совсем. Мама всегда видела, когда я вру. Ася, возможно, тоже видит. Нужно было сказать правду, но не всю.

— Я видел... поезд, — сказал я, глядя в пол. — Наш поезд, только снаружи. Как он мчится по рельсам. И вокруг лес. Тёмный, страшный.

— Понятно, — протянула Ася разочарованно. — Ничего полезного. Ладно, с первого раза редко у кого получается. Будем тренироваться. До Северограда ещё ехать часов двенадцать. Успеем.

Она встала и отряхнула пальто. Я тоже поднялся. В тамбур заглянула проводница — та самая, которую я обошёл на перроне. Увидев нас, она нахмурилась.

— А вы чего тут стоите? Билеты предъявите.

Я похолодел. Всё, пропал. Сейчас нас высадят на первой же станции, и я никогда не найду маму. Но Ася даже бровью не повела. Она повернулась к проводнице, улыбнулась самой милой улыбкой, на какую только была способна, и сказала:

— Тётечка, миленькая, у нас билеты у мамы в купе. Она спит, а мы вышли воздухом подышать. Нам сказали, что тамбур открыт. Мы не знали, что нельзя.

Проводница смягчилась, взглянув на наши невинные лица (ну, на лицо Аси — точно невинное, а я, наверное, был красный, как помидор).

— Ладно уж, стойте. Только недолго и не курить тут у меня.

Она ушла, гремя ключами. Я выдохнул.

— А мама в купе? — шёпотом спросил я.

— Нет у нас никакой мамы в купе, — так же шёпотом ответила Ася. — И билетов нет. Но есть место в последнем вагоне, где проводница не проверяет. Я его знаю, я тут часто езжу. Пойдём.

Мы двинулись по шаткому, гремящему вагону. Проходили мимо открытых купе, где люди ели курицу, пили чай, играли в карты. Обычные люди, которые ехали по своим обычным делам и не подозревали, что в тамбуре только что решалась судьба одной маленькой, но очень важной ветки реальности.

В конце поезда, в самом последнем вагоне, действительно было пустое служебное купе. Ася толкнула дверь, и мы вошли внутрь. Там стоял запах пыли и угля. Два жёстких дивана, столик. Ася задвинула шторку на двери и зажгла маленький карманный фонарик, который повесила на крючок для одежды.

— Вот наш штаб, — объявила она. — Располагайся.

Мы сели друг напротив друга. Поезд мерно стучал колёсами. Я смотрел на Асю и думал о мамином предупреждении. Как мне быть? Прогнать её? Но без неё я совсем пропаду в этом мире теней и вариантов. Остаться? Но она может предать меня в самый ответственный момент.

Ася достала из кармана пальто пачку печенья и разломил пополам. Половину протянула мне.

— Ешь. Нам понадобятся силы. И слушай дальше.

Я взял печенье. Оно было сухое и чуть солоноватое, но я жевал его с жадностью, только сейчас поняв, что не ел с самого утра.

— Чтобы найти Тупик, — начала Ася, — нам нужно выйти на нулевой путь. Это не обычный железнодорожный путь, его нет на картах. Он проходит сквозь сны и забытые воспоминания. Попасть на него можно только в момент, когда реальность «спотыкается». Например, когда поезд проезжает над старым руслом реки или когда часы на вокзале показывают время, которого не существует — двадцать пять часов ноль-ноль минут. Мы будем искать такой момент.

— И как мы его узнаем?

— Узнаешь, — усмехнулась Ася. — У тебя закружится голова, и ты увидишь не то, что за окном, а то, что МОГЛО БЫ быть за окном. Ты должен будешь сказать мне, куда смотреть. В этом вся твоя задача.

Я доел печенье и откинулся на спинку дивана. Глаза слипались. События этого бесконечного вторника навалились на меня всей своей тяжестью. Утром я завтракал с мамой и слушал про булочку с корицей, а сейчас я еду в неизвестность с девочкой, у которой вместо сердца, кажется, ледяной кристалл, и слушаю про нулевые пути и Тупики.

— Спи, — сказала Ася. — Я покараулю. И не бойся, я не причиню тебе вреда во сне. Ты мне нужен живым и в здравом уме. Пока что.

Она погасила фонарик. Купе погрузилось в темноту, нарушаемую только тусклыми отблесками пролетающих мимо редких фонарей. Я закрыл глаза. В голове всё смешалось: запах ландыша, лицо старика в переходе, жёлтая птица, мамины губы, шепчущие: «Не верь девочке с птицей».

Но прежде чем провалиться в сон, я почувствовал кое-что ещё. Тёплую волну, идущую от маминого блокнота, который лежал в нагрудном кармане, прямо у сердца.словно мама была рядом и гладила меня по голове. «Ты справишься, Тимоша. Ты сильнее, чем думаешь. И не всегда нужно выбирать тот путь, который кажется безопасным. Иногда самый опасный путь и есть единственно верный».

С этими мыслями я уснул. А поезд всё мчался и мчался сквозь ночь, унося меня всё дальше от дома, всё ближе к разгадке тайны, которую мама знала слишком хорошо.

Глава третья, в которой ночь перестаёт быть просто ночью, а сны оказываются опаснее яви, и Тимофей впервые видит то, чего не видят другие

Я проснулся от того, что поезд перестал стучать.

Это было настолько неестественно, настолько неправильно, что я открыл глаза мгновенно, словно кто-то щёлкнул выключателем. В купе было темно. Только узкая полоска света пробивалась сквозь щель в дверной шторе — тусклый, мертвенный свет, какой бывает на заброшенных станциях глубокой ночью. Ася сидела напротив, всё в той же позе, поджав ноги. Глаза её были открыты, и она смотрела куда-то сквозь стену вагона.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросила она шёпотом, не поворачивая головы.

— Поезд... он остановился, — сказал я, садясь и растирая затёкшую шею. — Но почему? Мы же должны были ехать до самого утра.

— Мы и ехали, — ответила Ася. — Только вот ехали мы уже не по тем рельсам, по которым должны были. Я заметила это час назад. Стук колёс изменился. Сначала он был «тудух-тудух», потом стал «тук-тудук», потом «так-так-так». А потом просто исчез. Мы стоим. Но за окном ничего нет.

Я прислушался. Действительно, вместо привычного железнодорожного перестука — звенящая тишина, в которой слышно только наше дыхание и слабый, едва уловимый писк жёлтой птицы в клетке. Я отодвинул шторку на двери и выглянул в коридор. Там было пусто. Тусклые лампы под потолком горели вполнакала, и их свет казался каким-то серым, выцветшим, будто кто-то прикрутил фитиль у керосиновой лампы.

— Где все пассажиры? — спросил я. — Ведь в вагоне полно народу.

— В том-то и дело, — прошептала Ася. — Я выходила проверить, пока ты спал. В соседнем купе сидит женщина с ребёнком, но они... спят. И не просто спят, а спят так, будто их выключили. Ребёнок замер с открытым ртом, женщина — с чашкой чая в руке. Чай остыл, но она его не пролила. В других купе то же самое. Проводница сидит в своём отсеке, уронив голову на столик. Я попыталась её разбудить — бесполезно. Она как каменная.

Мне стало не по себе. Холодок пробежал по спине, от затылка до самых пяток. Я вспомнил слова мамы о том, что реальность иногда «спотыкается». Неужели это оно? Момент, когда поезд попадает на нулевой путь?

— Мы должны выяснить, где мы находимся, — сказал я, вставая с дивана. Ноги слегка дрожали, но я заставил себя держаться прямо. — Если это тот самый момент перехода, о котором ты говорила, то мы не можем упустить его.

Ася кивнула. Она подхватила клетку с птицей, и мы тихо, стараясь не скрипеть половицами, вышли в коридор. В вагоне стоял странный запах. Не то чтобы неприятный, но какой-то стерильный, больничный. Так пахнет в кабинете зубного врача или в аптеке — смесью лекарств и чего-то металлического. Я вспомнил запах, который был в нашей квартире после похищения мамы. Он был другим — сладковатым и дурманящим. А этот был холодным и чистым.

Мы шли по проходу, заглядывая в купе. Всё было именно так, как описала Ася. Люди застыли в неестественных позах. Мужчина с газетой так и держал её перед лицом, но глаза его были закрыты. Две старушки, ехавшие, видимо, в гости к внукам, сидели друг напротив друга, их руки лежали на столике, почти соприкасаясь, но не касаясь. Казалось, время для них остановилось.

— Это не сон, — тихо сказала Ася. — Это стазис. Кто-то наложил на весь состав заклятие неподвижности. Только мы с тобой почему-то остались в сознании.

— Может, потому что мы не такие, как они? — предположил я. — Мы знаем о вариантах. Мы часть этого... другого мира.

— Возможно, — Ася нахмурилась. — Но мне это не нравится. Если Санитары добрались до поезда, значит, они знают, что мы здесь. И они хотят, чтобы мы вышли. Заставить нас покинуть вагон.

Я посмотрел в окно. За стеклом была тьма. Не ночная тьма, в которой можно разглядеть огни далёких домов или звёзды, а абсолютная, плотная чернота, похожая на бархатную ткань. Казалось, протяни руку — и упрёшься в неё, как в стену.

— Куда же мы выйдем? Там ничего нет, — прошептал я.

— Вот именно, — сказала Ася. — Это ловушка. Нас выманивают в пустоту, чтобы мы затерялись между слоями реальности. Мы не должны выходить из вагона, пока не поймём, что происходит.

Мы дошли до конца вагона. Дверь в тамбур была приоткрыта. Оттуда тянуло сквозняком — холодным, пронизывающим ветром, который, казалось, дул прямо из космического пространства. Я поёжился. Ася остановилась и подняла руку, призывая меня к молчанию.

Из тамбура доносился звук. Тихий, монотонный, ритмичный. Словно кто-то водил ногтём по стеклу. Скрип-скрип. Скрип-скрип.

— Там кто-то есть, — одними губами произнесла Ася.

Мы замерли. Птица в клетке вдруг встрепелась и издала тревожный, пронзительный писк. Ася быстро накрыла клетку полый своего пальто, но было поздно. Звук за дверью прекратился. Наступила мёртвая тишина. А затем дверь в тамбур медленно, со скрежетом, открылась сама собой.

На пороге стоял человек. Вернее, то, что когда-то было человеком. Это был мужчина в форме проводника — тёмно-синий китель с блестящими пуговицами, фуражка с кокардой. Но лицо его... Лицо его было абсолютно гладким. Там, где должны были быть глаза, нос, рот, — лишь натянутая кожа, похожая на маску из папье-маше. Ни одной черты, ни одной морщинки. Только эта гладкая поверхность, слегка поблёскивающая в тусклом свете.

— Безликий, — выдохнула Ася, и я услышал в её голосе страх, которого раньше не замечал. — Это Безликий. Они служат Санитарам. Они забирают тех, кто нарушил правила.

Безликий сделал шаг вперёд. Движения его были дёргаными, механическими, словно у сломанной куклы. Он не говорил, но в голове у меня вдруг зазвучал голос — глухой, безэмоциональный, как объявление на вокзале:

— Пассажиры без билетов. Просьба покинуть состав. Остановка конечная. Дальнейшее движение невозможно.

— У нас есть билеты! — крикнул я, сам не зная зачем. — Мы едем с мамой в купе!

— Мамы нет, — ответил голос в моей голове. — Билетов нет. Нарушение правил. Выход.

Безликий протянул к нам руку. Пальцы у него были длинные, тонкие, неестественно белые, без ногтей. Меня захлестнула волна ужаса. Я попятился, вжавшись спиной в стену вагона. Ася, напротив, шагнула вперёд, выставив перед собой клетку с птицей, словно щит.

— Убирайся, — сказала она твёрдо. — Мы не пойдём с тобой. У нас есть защита.

Птица в клетке распушила перья и издала резкий, свистящий звук. Безликий замер. Его гладкая голова чуть наклонилась, будто он прислушивался.

— Это канарейка-альбинос, — прошептала Ася, не оборачиваясь ко мне. — Она видит нулевой путь и может петь на частоте, которая разрушает их стазис. Но ненадолго. У нас есть минута, не больше.

Я не знал, что такое «частота» и «альбинос», но понял главное — птица может отпугнуть это существо. Безликий, однако, не отступал. Он просто стоял, покачиваясь, и ждал. Ждал, когда птица устанет.

— Нам нужно уходить в другой конец поезда, — сказала Ася. — Быстро. Идём.

Мы попятнулись по коридору, не сводя глаз с Безликого. Он не двигался. Но как только мы отошли на несколько шагов, он вдруг сделал рывок вперёд — резкий, неуловимый для глаза. Я даже не заметил, как он переместился. Просто мгновение назад он был у двери тамбура, а теперь стоял уже в двух метрах от нас.

— Он двигается рывками! — крикнул я. — Он не ходит, а перескакивает!

— Знаю! — огрызнулась Ася. — Бежим!

Мы бросились бежать по коридору, мимо застывших пассажиров, мимо открытых купе, где жизнь остановилась на полужесте. Сзади слышалось шлёпанье босых ног по полу — Безликий передвигался именно так, короткими скачками, сокращая расстояние. Птица в клетке, которую Ася прижимала к груди, пела без остановки, издавая ту самую высокую, вибрирующую ноту, от которой у меня закладывало уши.

Мы добежали до тамбура в противоположном конце вагона. Ася рванула дверь, и мы выскочили в переход между вагонами. Здесь было ещё холоднее. Грохот колёс вдруг вернулся — резкий, оглушительный, но какой-то неправильный. Не ритмичный «тудух-тудух», а хаотичный стук, словно кто-то молотил молотком по железу вразнобой.

— Сюда! — Ася толкнула дверь в следующий вагон.

Это был плацкарт. Здесь тоже все спали — кто на верхних полках, кто на нижних. Но в дальнем конце вагона я увидел движение. Кто-то стоял, прислонившись к стенке, и смотрел в нашу сторону. Это была девочка. Лет десяти, в пижаме с зайцами и с растрёпанными косичками. Она не спала. Она смотрела прямо на нас, и глаза её были широко раскрыты от ужаса.

— Вы тоже не спите? — крикнула она, когда мы поравнялись с ней. — Я проснулась, а все как мёртвые! И мама, и папа! Я не могу их разбудить! Что происходит?

— Потом! — рявкнула Ася. — Беги с нами, если хочешь жить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.